

Х. Маслов^{1,2*} , Г. Абдрахманова¹ , Т. Каленова¹ ¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, 010008, Республика Казахстан²Атырауский университет имени Х. Досмухамедова
г. Атырау, 060011, Республика Казахстан*e-mail: Khalil.maslov@mail.ru**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ И
ВОЕННЫМИ СИЛАМИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ****Аннотация**

В статье рассматриваются взаимоотношения между гражданским населением и военными структурами в Восточном Казахстане в период Гражданской войны. Целью исследования является изучение особенностей политики военных властей по отношению к гражданскому населению Восточного Казахстана в период Гражданской войны, анализ форм и методов её осуществления, а также определение характера и степени воздействия военных структур на жизнь мирного населения. Особое внимание уделяется деятельности контрразведывательных и правоохранительных органов, которые выступали важными инструментами поддержания политического режима и контроля над обществом. Региональные процессы анализируются в контексте масштабного политического противостояния, охватившего территорию бывшей Российской империи. Показано, что военные структуры и органы безопасности играли значительную роль не только в военных действиях, но и в повседневной жизни мирного населения. На основе архивных документов и материалов эпохи в исследовании реконструируются механизмы функционирования контрразведывательных и правоохранительных органов на региональном уровне. Их деятельность была направлена на подавление оппозиционных настроений, контроль общественной ситуации и предотвращение потенциальных угроз. Одновременно их присутствие оказывало заметное влияние на социальную среду, трансформируя миграционные процессы, экономические практики и общественные отношения. В статье также подчёркивается, что гражданское население выступало не только объектом воздействия, но и активным участником исторических процессов, вырабатывая различные стратегии выживания и адаптации в условиях политической нестабильности и вооружённого конфликта.

Ключевые слова: Казахстан, Гражданская война, политический конфликт, мирное население, белогвардейские власти, социально-экономические последствия.

Введение.

Период 1918-1920 гг. занимает особое место в истории Казахстана и характеризуется глубокой политической, социальной и экономической нестабильностью. Данный этап стал временем масштабных трансформаций и кризисных явлений, вызванных распадом традиционных институтов власти, эскалацией вооружённого насилия и разрушением привычного уклада жизни. В условиях распада единой системы управления и существования множества конкурирующих центров власти ситуация в регионе была крайне сложной: различные политические и военные силы – от центральных и местных органов управления до регулярных и нерегулярных вооружённых формирований – оказывали непосредственное влияние на повседневную жизнь гражданского населения. Воздействие этих сил определяло характер социальных процессов, усиливая атмосферу неопределённости и углубляя кризисные явления.

Находившаяся под контролем Временного Сибирского правительства территория была разделена на две административно-функциональные зоны: прифронтовую и тыловую. Прифронтовая зона, охватывавшая пространство от линии фронта до Омска, находилась под управлением военных властей. Здесь действовал своеобразный режим

военно-полевого управления, характеризовавшийся проявлениями произвола, актами насилия и недостатком эффективных механизмов гражданского контроля. В тыловой зоне формально сохранялась гражданская администрация, однако со временем её позиции ослабевали, уступая место усиливающемуся влиянию военных структур, включая карательные подразделения. Это приводило к милитаризации общественной жизни и ужесточению репрессивной политики по отношению к населению.

В этот период местное население оказалось в условиях двойного давления – со стороны полицейско-административных органов и вооружённых формирований белогвардейцев. Границы между фронтом и тылом постепенно размывались, и вместо привычного разделения формировалась система тотального военного контроля и подавления. В таких условиях исследование положения гражданского населения приобретает особую значимость, позволяя выявить сложные социально-политические процессы и их последствия в один из наиболее кризисных периодов истории региона.

Проблематика Гражданской войны в Казахстане получила широкое освещение в советской и постсоветской исторической литературе. Первые исследования, посвящённые данной тематике, появились в 1920-1930-х годах и были сосредоточены преимущественно на вопросах борьбы большевиков с антисоветскими силами, а также роли Красной армии в победе над контрреволюцией. В советской историографии изучение событий Гражданской войны осуществлялось в рамках господствовавшей марксистско-ленинской методологии, что обусловило акцент на классовой борьбе и роли большевистской партии в установлении советского режима. Данные подходы нашли отражение в работах А.С. Елагина, Г.А. Абишева, П.М. Пахмурного, Л.М. Спирина, в сборниках «Из истории интервенции и гражданской войны в Казахстане», «За власть Советов» и в издании «Гражданская война в Казахстане. Летопись событий» и др.

Начиная с начала 1990-х годов произошёл существенный пересмотр методологических подходов и концептуальных оценок событий Гражданской войны. Современные исследования характеризуются расширением источниковой базы и обращением к ранее недостаточно изученным аспектам, включая деятельность движения «Алаш» и специфику военного противостояния. Постсоветская историография характеризуется расширением круга исследуемых проблем и переосмыслением роли белого движения. В трудах А.Ю. Митрофанова, С.В. Дрокова, Л.Н. Варламовой, Н.И. Орос, С.Г. Лившица, М.М. Стелмака, а также в работе В.Г. Хандорина «Адмирал Колчак. Драма Верховного правителя», предметом исследования в данных трудах являются политическая деятельность адмирала Колчака, создание органов контрреволюционных режимов, её внутренняя политика и международные аспекты Гражданской войны. Важное место в историографии гражданского противостояния занимают мемуарные источники, в частности «Дневник белогвардейца» А.Будберга, «Американская авантюра в Сибири» У. Гревза, которые раскрывают взгляды участников белого движения.

Несмотря на значительный объём научных работ, вопросы взаимоотношений между военными формированиями и гражданским населением, механизмы реализации военной политики на местах, а также влияние военных структур на повседневную жизнь населения остаются недостаточно освещёнными и требуют дальнейшего изучения.

Научное исследование ключевых моментов истории Казахстана предполагает анализ её в рамках отдельных регионов страны, что позволяет выявить уникальные особенности и обобщить региональные материалы в конкретных условиях. В связи с этим актуальность данного исследования обусловлена тем, что через призму региональных особенностей можно получить более глубокое и всестороннее понимание Гражданской войны на территории Казахстана в целом.

Восточный Казахстан являлся ключевым стратегическим регионом, где шли активные боевые действия и реализовывалась политика обеих сторон конфликта, что существенно повлияло на социально-экономическое положение местных жителей.

Несмотря на большое количество работ, посвящённых истории Гражданской войны в Казахстане, большинство из них сосредоточено на общих военно-политических аспектах. Не изучены особенности функционирования местных органов власти, взаимодействие между военными формированиями и гражданским населением, а также влияние военной политики на развитие и состояние общества в регионе.

Настоящее исследование направлено на комплексный анализ указанных явлений на основе широкого круга исторических источников и современных методологических подходов, что позволяет глубже и более объективно осмыслить события 1918-1920 гг. в Казахстане.

Материалы и методы исследования.

Методологическая основа данного исследования базируется на совокупности принципов, подходов и методов, обеспечивающих объективность, комплексность и историческую достоверность анализа. В основу положен принцип историзма, предполагающий рассмотрение событий и процессов в их развитии и во взаимосвязи с конкретными социальными, политическими и экономическими условиями эпохи. Это позволило рассматривать положение гражданского населения как динамично изменявшееся явление, находившееся под влиянием эскалации Гражданской войны, смены властных структур и социально-экономических трансформаций.

Диалектический подход и логика научного познания способствовали выявлению внутренних противоречий политического конфликта и его воздействия на гражданское население, обеспечивая последовательность и обоснованность сделанных выводов.

Методы структурно-функционального анализа применялись для изучения организации и деятельности административных и общественных институтов. Для выявления хронологической динамики политических процессов и их влияния на население использовались ретроспективный и сравнительно-исторический подходы, а также проблемно-хронологический метод, обеспечивающий последовательное рассмотрение ключевых событий и изменений в исследуемый период.

Сравнительный анализ региональных особенностей позволил выявить как общие тенденции, так и специфику положения гражданского населения в различных территориях. Последовательный хронологический подход обеспечил комплексное освещение ключевых проблем политического конфликта на различных этапах его развития.

Методология исследования основана на системном анализе архивных источников, прежде всего фондов Государственного архива Абайской области, а также Исторического архива Омской области. Особое значение имеют материалы Центра новейшей истории Восточно-Казахстанской области, где сохранились законодательные, нормативные, отчётно-информационные документы омских правительств, обладающие высокой степенью информативности и полноты. Такой источниковедческий подход позволяет достоверно реконструировать исторические события, проанализировать социально-политическую динамику и обеспечить комплексное исследование рассматриваемого периода.

Таким образом, методологическая основа исследования объединяет общетеоретические и конкретно-исторические подходы, что позволяет провести глубокий эмпирический и теоретический анализ положения гражданского населения в условиях масштабного политического конфликта периода Гражданской войны.

Результаты и их обсуждение.

К осени 1918 г. армия адмирала А.В. Колчака стала доминирующей силой, контролировавшей значительную территорию и фактически удерживавшей власть в Восточном Казахстане. В самом начале своего правления А.В. Колчак определил три основные военно-политические задачи своего правительства: 1) восстановление боеспособной российской армии; 2) свержение большевистского режима; 3) созыв Учредительного собрания для определения государственного устройства единой и неделимой России.

В тыловой зоне, контролируемой белогвардейскими структурами, репрессивная политика по отношению к крестьянскому населению носила жёсткий и систематический характер. За уклонение от уплаты налогов, неподчинение властям или предполагаемую поддержку партизанского движения местные жители подвергались коллективным наказаниям [1]. Фиксировались массовые расстрелы и другие формы насилия, приводившие к многочисленным жертвам среди мирного населения. В ряде случаев белогвардейские отряды осуществляли поджоги населённых пунктов, связанных с партизанским движением.

Для юридического оформления участия военных сил в карательных акциях омские власти издавали различные постановления, определявшие правовой статус и полномочия военных организаций. В частности, командующие военными округами официально наделялись правом вводить военное положение на отдельных территориях. На практике эта мера применялась не только в районах боевых действий, но и в местностях, где проявлялась активность повстанческих движений.

В своих заявлениях о происхождении и характере собственной власти А.В. Колчак подчёркивал её исключительность и обусловленность национальным кризисом. Описывая своё положение, он отмечал: «Меня называют диктатором. Что ж, я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времён была республиканским институтом. Подобно тому, как в Древнем Риме сенат назначал диктатора в период государственной опасности, Совет министров Российского государства в момент тяжелейшего кризиса нашего национального существования, откликаясь на общественные настроения, также назначил меня Верховным правителем». Тем самым Колчак апеллировал к историческим прецедентам легитимации чрезвычайной власти, стремясь придать своему правлению институциональную и морально-политическую обоснованность в рамках традиции «республиканской диктатуры» [2].

Правительство А.В. Колчака, как и его политические предшественники, придавало большое значение вопросам информационной политики и агитации. С целью идеологического и информационного обеспечения своей деятельности вскоре после переворота было создано новое официальное издание – «Правительственный вестник». Газета издавалась с 22 ноября 1918 г. по начало ноября 1919 г. в Омске, а затем – до 4 января 1920 г. – в Иркутске. Главным редактором издания являлся В.А. Кудрявцев, который одновременно занимал должность секретаря Восточного отдела Конституционно-демократической партии; официальную часть редактировал П.Ф. Пономарёв. Являясь основным информационно-пропагандистским органом так называемого «омского режима», «Правительственный вестник» пользовался значительным авторитетом: на него регулярно ссылались региональные издания Урала, Сибири и Дальнего Востока, а его материалы нередко перепечатывались другими газетами [3].

В соответствии с постановлением Совета министров от 1 февраля 1919 г., впоследствии утверждённым Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком, командующий войсками Сибири и Дальнего Востока наделялся правом применять

различные меры наказания, включая смертную казнь, в целях обеспечения общей безопасности.

Архивные материалы дополнительно проливают свет на личную позицию А.В. Колчака в вопросе расширения полномочий военных властей. В приказе, адресованном генералу С.Н. Розанову, адмирал требовал подавления Енисейского восстания, настаивая на применении «самых суровых, даже жестоких мер не только против повстанцев, но и против населения, поддерживающего их» [4]. Следует отметить, что формулировки данного приказа фактически предоставляли военным своего рода «carte blanche», существенно расширяя их возможности в подавлении антиправительственных выступлений.

Эти указы и распоряжения Верховного правителя дополнялись и конкретизировались соответствующими приказами военного командования, что способствовало усилению репрессивных мер и милитаризации системы управления в регионе.

Характерным примером стало вооружённое крестьянское восстание, произошедшее 6 июля 1919 г. в селе Шемонаиха Змеиногорского уезда под руководством большевистских активистов и направленное против Временного Сибирского правительства. Данное выступление получило поддержку крестьян из 46 населённых пунктов уезда. В результате серии ожесточённых столкновений с карательными отрядами восстание было жестоко подавлено. Только в селе Шемонаиха в течение двух дней было замучено и расстреляно более 40 человек.

Воспоминания И. Воробьёва свидетельствуют о том, что летом 1918 г. белогвардейские силы захватили власть в селе Кондратьевка Змеиногорского уезда, в результате чего в ночь с 16 на 17 июня была свергнута советская власть. Этот период характеризовался масштабными репрессиями, получившими название «чёрных дней» белогвардейцев. Беднота и активные сторонники советской власти подвергались массовым арестам в деревнях и сёлах, многие из них расстреливались без суда, а их имущество конфисковывалось карательными отрядами. В первые дни «чёрного террора» в Зырянском уезде было казнено 28 большевиков [5].

Генерал С.Н. Розанов широко применял практику захвата заложников как элемент борьбы с партизанским движением. В приказе от 4 апреля 1919 г. он предписывал арестовывать заложников из числа местного населения и в случае активности партизан «беспощадно расстреливать» их. В том же документе содержалось распоряжение о применении децимации: «при занятии селений, ранее занятых красными, требовать выдачи их руководителей и вожаков; в случае отказа – расстреливать каждого десятого» [6].

Архивные источники фиксируют конкретные случаи реализации подобных приказов: в селе Подгорное белогвардейский карательный отряд расстрелял около 150 крестьян по обвинению в поддержке тарбагатайских красных партизан. Данные распоряжения свидетельствовали о единстве подходов в отношении имущества повстанцев и их сторонников – оно подлежало конфискации и уничтожению; директивы фактически сводились к предписанию «сжигать всё». Совокупность этих приказов и их практическая реализация свидетельствуют о применении коллективных наказаний и репрессивной стратегии, направленной на подавление антиправительственных выступлений и запугивание местного населения [4. – 61].

Местные военные органы играли важную роль в поддержании порядка на подконтрольных территориях. 6 февраля 1919 г. командующий 2-м Отдельным Сибирским степным корпусом дошёл до сведения войск директиву Ставки Верховного главнокомандующего. В ней сообщалось о постановлении Совета министров от 1 февраля 1919 г., согласно которому в условиях военного времени в районах военных действий, где

наблюдался значительный рост преступности, Верховный главнокомандующий, начальник его штаба и командующие отдельными армиями могли временно вводить более строгие меры наказания.

Применение смертной казни допускалось только после предварительного публичного объявления и одновременного телеграфного донесения Верховному правителю и Верховному главнокомандующему в установленном порядке. В случаях, когда военные обстоятельства или гражданские беспорядки требовали введения особых мер безопасности для поддержания общественного порядка, нарушение этих мер каралось смертной казнью на основании приговоров военно-полевых судов [7].

С целью обеспечения порядка среди населения на территории Семипалатинской области командующий 2-м Сибирским степным корпусом полковник А. Караев издал распоряжение, в котором отмечалось: «Наблюдается массовое неисполнение населением законных распоряжений полицейских властей, касающихся организации транспортных повинностей, а также приведения улиц и тротуаров в надлежащее состояние. Очевидно, что население, уклоняясь от исполнения этих требований, рассчитывает либо на полную безнаказанность, либо на то, что наказание будет незначительным и затянется вследствие медлительности судебного процесса. В целях пресечения этого недопустимого явления постановляю: лица, уклоняющиеся от законных требований полицейских властей, будут подвергаться административным взысканиям в виде денежного штрафа до 3000 рублей или тюремного заключения сроком до трёх месяцев» [8].

Следует отметить, что некоторые представители военного командования осознавали сомнительную законность своих действий и стремились оправдать их не только перед современниками, но и перед будущими поколениями. Так, генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов в одном из своих приказов отмечал: «Каждый военачальник должен помнить, что на театре военных действий допустимыми и законными считаются все средства, ведущие к достижению цели, а победителей, как правило, не осуждают ни патриоты, ни современники, ни разумные потомки» [9].

Помимо решения вопросов политической безопасности и борьбы с антиобщественными проявлениями местные власти привлекали военные подразделения и к урегулированию трудовых конфликтов, используя помощь солдат в гражданских делах.

Подробный анализ приказов и распоряжений позволяет выявить значительную неоднозначность формулировок и отсутствие чётких, исчерпывающих инструкций. В частности, в нормативных актах не был определён перечень преступлений, за которые предусматривалось применение высшей меры наказания – смертной казни. Тексты документов не позволяли однозначно определить, кто именно относился к «порочному и неблагонадёжному элементу» и какие сведения следовало считать «сеющими тревогу в умах». Кроме того, вызывала сомнения законность арестов лиц, обвиняемых в антиправительственной агитации, на основании показаний местных жителей. Нередко подобные обвинения использовались для урегулирования межличностных конфликтов или преследования личных корыстных интересов.

Недостаточная правовая проработанность нормативных актов способствовала их произвольному толкованию. Так, командующий, отвечавший за охрану общественного порядка и спокойствия в Семипалатинском, Павлодарском и Каркаралинском уездах, отмечал многочисленные случаи злоупотребления властью со стороны военных: «В последнее время мною получено множество жалоб от жителей Семипалатинска и уезда на обыски, изъятие имущества и аресты, совершённые лицами в военной форме. В ходе проверки части этих жалоб было установлено, что подобные действия действительно имели место, однако осуществлялись произвольно, то есть без согласования с уполномоченными должностными лицами и без соблюдения обязательных формальных процедур, таких как предъявление ордера и составление протоколов» [10].

Полковник В. Самборский лично наблюдал проявления несправедливости, отмечая постоянные жалобы крестьян на офицеров, незаконно присваивавших их имущество. Военные фактически изымали у сельских жителей подводы, зерно, сено и другие жизненно важные ресурсы, оставляя население без какой-либо защиты. По мнению Самборского, уже двух–трёх недель пребывания воинских подразделений на занятой территории было достаточно, чтобы вызвать открытое недовольство и возмущение местного населения [4.–62].

Однако по ряду причин омские власти не предпринимали систематических мер по ограничению деятельности силовых структур. Учитывая острый кадровый дефицит в органах безопасности, Верховный правитель России А.В. Колчак неоднократно освобождал различные категории сотрудников полиции, работников судебных и пенитенциарных учреждений, а также прокуроров и представителей судебной власти от мобилизации [11].

Аналогичное решение было принято Колчаком 2 сентября 1919 г. в условиях особенно напряжённой обстановки на фронте. Тем самым Верховный правитель подчёркивал стратегическое значение правоохранительных органов в борьбе с партизанским движением и подпольными организациями. На практике широко применялись совместные операции полиции и военных подразделений.

Так, 19 сентября 1919 г. Дельбегетейская волостная земельная управа обратилась к комиссару Семипалатинского уезда с просьбой направить дополнительные воинские подразделения «для содействия в сборе налогов и выполнении иных повинностей» [12].

В ряде случаев военные, напротив, препятствовали деятельности полицейских органов. Так, в Семипалатинске казаки атамана Анненкова без согласования с областным губернатором арестовали трёх начальников полиции. Подобные действия вызывали неоднозначную реакцию в обществе. Хотя часть населения признавала наличие злоупотреблений, многие считали более важной задачей обеспечение победы Колчака на фронте, чем решение локальных проблем, с которыми крестьяне пытались справиться самостоятельно.

По мнению редактора газеты «Сибирская речь» В.А. Жардецкого, было необходимо комплектовать должности губернских и уездных начальников исключительно из числа сотрудников «военной разведки» [13].

Взаимоотношения гражданских и военных властей являлись одной из ключевых тем общественной дискуссии и активно обсуждались в прессе. Одним из предложений было подчинение командующего Сибирской армией начальнику военно-административного управления, который, в свою очередь, должен был отчитываться перед гражданскими губернаторами и уездными начальниками. Данный проект поддержало издание «Отечественные ведомости», а газета «Наш Урал» («Курганская свободная мысль», 1919 г.) высказала осторожное одобрение. В целом в общественном дискурсе последовательно подчёркивалась необходимость согласованных действий между военными и гражданскими органами управления.

Так, в апреле 1919 г. министр внутренних дел А.Н. Гаттенбергер в интервью корреспондентам подчёркивал важность подобного взаимодействия. Вместе с тем среди общественности получила распространение и иная точка зрения. Управляющий делами Совета министров Г.К. Гинс и руководитель Министерства иностранных дел Сукин придерживались мнения, что Сибирское правительство фактически функционировало как военная диктатура, при которой гражданские учреждения полностью зависели от военного командования. Подобная оценка согласуется с мнением ряда исследователей о том, что Колчак допустил чрезмерное расширение влияния военных структур в системе управления [14].

31 декабря 1919 г. министр внутренних дел А.Н. Гаттенбергер направил циркуляр губернским и областным губернаторам, а также военному командованию, призывая к осторожности при введении военного положения. Он отмечал, что его чрезмерное применение ослабляет авторитет государственной власти и, по его мнению, фактически способствует интересам противника.

А.Н. Гаттенбергер подчёркивал необходимость исчерпания всех ненасильственных средств и предотвращения ошибок перед применением силы. Он настаивал на строгом соблюдении действующего законодательства, независимо от того, казалось ли оно слишком мягким или чрезмерно строгим. Министр также выступал за согласованные действия гражданских и военных властей при реагировании на нарушения общественного порядка и считал, что военное командование не должно вмешиваться в вопросы гражданского управления [15].

Данный циркуляр не был случайным документом. По словам управляющего делами Совета министров Г.К. Гинса, министр внутренних дел А.Н. Гаттенбергер осознавал усиливающееся влияние военных кругов на политическую жизнь и систему управления подведомственных территорий и предпринимал попытки ограничить этот процесс. Однако, как отмечал Г.К. Гинс, одной из причин отставки А.Н. Гаттенбергера стали напряжённые отношения с военным министром В.С. Степановым [14.–59].

Пост министра внутренних дел занял В.Н. Пепеляев, который являлся братом генерала А.Н. Пепеляева и, по свидетельствам многих современников, рассматривался как кандидатура, пользующаяся поддержкой военных кругов. Отставка А.Н. Гаттенбергера ослабила позиции председателя Совета министров П.В. Вологодского, выступавшего за сосредоточение всей власти в руках гражданской администрации. Вологодский справедливо отмечал, что государственное управление осуществляется посредством недопустимых злоупотреблений, которые деморализуют население и подрывают доверие к власти.

Премьер-министр не скрывал своей позиции, обращаясь к верховному правителю. В одном из разговоров с адмиралом он заявил, что «всеобщее негодование, охватывающее даже наиболее умеренные слои населения, вызвано повсеместным беззаконием во всех сферах и неспособностью правительства обуздать произвольные действия отдельных военных чинов». Тем самым глава правительства прямо указал адмиралу на неспособность ведомств эффективно контролировать ситуацию на подконтрольной территории [16].

Следует отметить, что военные власти иногда предпринимали попытки направить деятельность офицеров и нижних чинов в правовое русло. Так, в сентябре 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант М. Дитерихс издал приказ, в котором требовал «строгого контроля за действиями подчинённых и в случае выявления необоснованных насилий или иных противоправных действий немедленно пресекать их решительными мерами, не колеблясь в выборе средств» [17].

Что касается позиции верховного правителя, то, по сведениям, переданным руководителем Министерства иностранных дел Сукиным американскому генералу В. Грейвсу, Колчак обещал положить конец режиму военного террора. Это обещание свидетельствует о том, что он осознавал масштабы жестокостей, совершаемых военными, и, как полагал В. Грейвс, обладая всей полнотой власти, теоретически мог предотвратить их дальнейшее распространение. Однако, согласно воспоминаниям американского генерала, отсутствуют свидетельства того, что Колчак предпринимал реальные шаги для исправления сложившейся критической ситуации [18]. На наш взгляд, это отчасти указывает на значительное влияние военных кругов на адмирала Колчака.

Активное вмешательство армии во внутренние дела режима Колчака ослабляло его устойчивость и легитимность. По нашему мнению, последствия этого можно свести к

нескольким основным аспектам. В рассматриваемый период наблюдалась значительная милитаризация системы административного управления, что способствовало росту жестокости и насилия. В результате значительная часть населения, первоначально проявлявшая безразличие или сомнение по отношению к новому режиму, в конечном итоге полностью утратила доверие к нему. Отсутствие стремления со стороны армии завоевать поддержку населения подтверждается и нежеланием значительной части мобилизованных принимать участие в военных действиях.

Кроме того, вовлечение армии во внутренние дела негативно сказывалось на её боеспособности. Карательные операции, преследование дезертиров и охрана тыла отвлекали значительное количество солдат и офицеров, которые могли быть направлены непосредственно на фронт [19].

Таким образом, армия Колчака потерпела поражение как на внешнем, так и на внутреннем фронтах. Политика активного привлечения военных структур к решению внутренних проблем, а также попытки армии самостоятельно регулировать ситуацию в тылу оказались неэффективными. Помимо проведения карательных операций, преследования дезертиров и охраны тыловых районов, армия играла важную роль в организации снабжения своих частей. С целью эффективного комплектования, обеспечения и поддержания общественного порядка в июле 1918 г. территория Сибири была разделена на корпусные округа (районы). К началу октября того же года к обеспечению материальными ресурсами 2-й Степной Сибирской армии были закреплены районы Тобольской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областей, а также казачьи земли Алтайской губернии [11. –56].

Участие контрреволюционных правительств в системе государственных заготовок и снабжения объяснялось двойной необходимостью: поддержанием боеспособности армии и одновременно неспособностью государственной торговой системы обеспечить городское население продовольствием и товарами первой необходимости. Организация снабжения армии в театре военных действий в период правления А.В. Колчака находилась в ведении главного полевого интенданта, который обладал полномочиями, сопоставимыми с полномочиями командующего армией, и непосредственно подчинялся Верховному главнокомандующему. Для обеспечения офицеров действующей армии предметами первой необходимости была создана специальная организация – Военно-хозяйственное общество офицеров действующей армии. В середине сентября 1919 г. эта структура была подчинена военному министру, что отражало стремление к централизации и институционализации системы снабжения в условиях нарастающего кризиса [20].

С осени 1918 г. население Восточного Казахстана активно привлекалось к выполнению натуральных повинностей, включая предоставление подвод, палаток, юрт, топлива для отопления помещений, а также организацию продовольственного обеспечения воинских частей. Эти меры осуществлялись не только гражданскими администрациями, но и непосредственно военными структурами. Для координации деятельности правительства в сфере экономики и финансов был создан Государственный экономический совет, в состав которого вошли представители банковского сектора, торговли, промышленности и кооперативов, а позднее – также представители земств и городских органов самоуправления. Осознание адмиралом А.В. Колчаком ключевого значения экономических вопросов для государства отражено в его словах: «Каждая революция, каждое политическое потрясение в конечном счёте имеет свои корни в экономическом состоянии страны» [21].

Многие распоряжения носили чрезвычайный характер, а их невыполнение влекло административную ответственность. Так, с 25 февраля 1919 г. население Семипалатинской области было обязано ежедневно предоставлять 250 подвод на Аркатский пикет и дополнительно 150 подвод в город Семипалатинск. Подводы,

мобилизованные в Змеиногорском уезде, использовались для обеспечения функционирования военной дороги между Семипалатинском и Аркатом.

Кроме того, проводился сбор повозок, причём эта повинность возлагалась на казахские волости на основе устаревших данных переписи 1916 г., охватывавшей трёхлетний период 1917–1919 гг. Несмотря на значительное сокращение численности населения, вызванное эпидемией тифа, налоговая нагрузка оставалась неизменной, что приводило к перераспределению фискального бремени на оставшееся население и ухудшению его социально-экономического положения.

Невыполнение распоряжений сельских администраторов и старшин вызывало ответные меры со стороны военных властей. По приказу коменданта в аулы направлялись военные подразделения для принудительного исполнения возложенных обязанностей. Солдаты насильственно изымали подводы и другое имущество, необходимое для нужд армии. Подобные действия способствовали росту социальной напряжённости: жители волостей Восточного Казахстана, опасаясь насилия, при появлении военных покидали свои поселения и уводили скот в труднодоступные районы, удалённые от военных дорог [22].

Крестьяне, прибывавшие из уездов для выполнения реквизиционных обязанностей по перевозке различных грузов, нередко являлись в Семипалатинск с лошадьми, физически непригодными для выполнения работ из-за различных заболеваний. После ветеринарного осмотра и получения официального заключения о болезни животного жители просили освободить их от выполнения повинности. Однако администрация рассматривала подобные действия как преднамеренное предоставление заведомо непригодных для работы лошадей с целью уклонения от повинности. В ответ на сложившуюся ситуацию командование 2-го Сибирского степного корпуса 10 марта 1919 г. издало приказ, согласно которому предписывалось установить строгий контроль за пригодностью лошадей при распределении подвод и привлекать к ответственности лиц, прибывших с больными животными, в соответствии с законами военного времени [23].

Современные исторические исследования Гражданской войны в России в значительной степени сосредоточены на вооружённом противостоянии между красными и белыми, а также на внутриполитической борьбе в антибольшевистском лагере. Эти аспекты, безусловно, способствуют более глубокому пониманию общей атмосферы конфликта, соотношения политических и военных сил, а также стратегических целей различных участников. Вместе с тем социальная составляющая политики антибольшевистских режимов, включая характер их взаимодействия с различными слоями общества, остаётся сравнительно малоизученной и требует дальнейшего комплексного осмысления [24].

Осенью 1919 г. система подводной повинности в Восточном Казахстане была ещё более ужесточена. Помимо уже существующих уполномоченных Министерства снабжения, была создана специальная комиссия по приёму транспортных средств у местного населения для пополнения 3-го обозного батальона. Основной задачей этой комиссии являлась организация и контроль мобилизации тяглового транспорта для нужд военного ведомства в Восточном Казахстане.

С целью повышения эффективности деятельности комиссии приказом помощника командира 2-го отдельного Сибирского степного корпуса по военно-административной части от 24 сентября 1919 г. № 16 волостным управителям предписывалось заменить натуральную подводную повинность денежной формой повинности. В рамках исполнения данного распоряжения волостные управления при участии сельских старшин обязаны были в течение двух суток провести учёт всех пригодных лошадей на местах. Полученные сведения подлежали немедленной передаче в Семипалатинский уездный земельный совет. Сельские старшины несли персональную ответственность за предоставление лошадей, не

соответствующих установленным требованиям, с последующим применением к ним предусмотренных административно-правовых санкций. Приказ подлежал безусловному и точному исполнению без каких-либо отклонений. Нарушение или игнорирование данного распоряжения рассматривалось военным командованием как противодействие военным властям и влекло применение карательных мер в соответствии с действующим военным законодательством [25].

Военное командование не учитывало сложную экономическую ситуацию, сложившуюся на территории Восточного Казахстана в условиях развивающегося продовольственного кризиса. В январе 1919 г., несмотря на истощение ресурсов, командир 2-го отдельного Сибирского корпуса генерал-майор Бжезовский направил телеграмму губернатору Семипалатинской области И.А. Самойлову, в которой отмечал, что территория, находящаяся в ведении корпуса, не располагает достаточными промышленными и техническими ресурсами. Учитывая разрушения, причинённые региону в ходе свержения советской власти, он подчёркивал необходимость предоставить передышку для наиболее рационального использования оставшихся ресурсов в интересах снабжения корпуса, которому в дальнейшем предстоит ещё более серьёзные трудности.

Был введён запрет на приём и отправку грузов через железнодорожные станции округа, включая муку, кожу, шерсть и изделия из них, а также лошадей. Нарушители данного постановления подлежали наказанию в виде трёх месяцев тюремного заключения либо штрафа в размере трёх тысяч рублей [26].

Данное распоряжение усугубило продовольственную ситуацию в регионе. В связи с этим начальник снабжения корпуса Тучанский был вынужден внести изменения в указанный приказ: «В связи с запретом въезда в Семипалатинск полностью прекратилась доставка продовольствия в город крестьянами из близлежащих деревень и станций. Для нормализации торгового процесса и обеспечения продовольствием городского населения необходимо разъяснить жителям окрестных районов, что временный въезд в город для закупки и доставки продовольствия не запрещается. При необходимости реквизиция подвод у прибывающих крестьян будет производиться на месте – в деревнях и аулах – при содействии сельских властей» [27].

В условиях Гражданской войны нормы и законы, которые должны были регулировать порядок изъятия имущества у населения для нужд армии, фактически перестали функционировать должным образом. Солдаты и офицеры по-разному понимали и применяли эти правила. В результате вместо упорядоченной системы возник хаос: вместо законных действий происходили жестокость, насилие и грабежи, что ухудшало положение как армии, так и мирного населения [28].

Согласно донесению начальника Семипалатинской уездной милиции, направленному областному губернатору 18 февраля 1919 г., офицеры 1-й сотни полка под командованием Полухина изъяли у жителей поселений Озёрки и Талица десять лошадей. В последующем сообщалось, что 5 марта пять человек в военной форме, представившиеся «карательным отрядом», вошли в дом жителя по фамилии Сагитов, похитили имущество на сумму 350 рублей и нанесли хозяину телесные повреждения.

Командование Белой армии, стремясь соединить патриотический импульс офицерского корпуса, мотивированного идеей «спасения Отечества», с жёсткими мерами принудительной мобилизации, прибегало к угрозам насильственных действий в случае неповиновения. Однако в условиях хронического дефицита снабжения в армии широкое распространение получил механизм так называемого «самообеспечения», как организованного, так и стихийного. Это, в свою очередь, привело к серьёзному искажению понятий «военная добыча» и «реквизиция», которые фактически превратились в акты насилия и грабежа.

У местного населения изымались одежда, предметы быта и другое имущество. В соответствующих обращениях содержались просьбы принять меры для предотвращения подобных правонарушений [29].

Следует отметить, что со временем военные начали играть всё более значительную роль как в общественной, так и в государственной жизни. Их влияние на деятельность полиции значительно возросло. Однако, несмотря на это, во многих случаях отсутствовала правовая база для взаимодействия между военными и полицией.

Исключение составляли лишь территории, где официально вводилось военное положение. В таких регионах полиция подчинялась военному командованию. Это особенно касалось уголовной полиции, основной задачей которой было расследование дел, передаваемых в военно-полевые суды. В то же время многие другие вопросы оставались неурегулированными. В результате между должностными лицами органов внутренних дел (и гражданской администрацией в целом) и военными нередко возникали противоречия.

А.Н. Никитин отмечал, что одной из ключевых проблем административной системы Сибири в период Гражданской войны была не столько незаконная деятельность военных, сколько фактическая зависимость гражданской власти от военного командования. Представители местной администрации выражали недовольство тем, что военные полностью игнорировали институты гражданской власти и брали на себя функции, не входящие в их прямые полномочия. В докладах губернских губернаторов министру отмечалось, что «военные совершенно не считаются с гражданской властью: они ведут боевые действия, осуществляют полицейский розыск, следствие и наказание» [30].

Подобное положение можно проследить на примере ситуации в Семипалатинске летом 1918 г. В официальном отчёте городского головы подчёркивалась сложность функционирования полиции в условиях полной автономии военной администрации:

«Учитывая, что в городе существует сильная военная власть, влияние которой осуществляется независимо от полиции, а сама полиция в существующих условиях ещё не представляет собой структурированную организацию, которой могли бы быть переданы все функции охраны правопорядка, прошу разъяснить степень ответственности полиции за обеспечение порядка в городе» [31].

Таким образом, фактическое вмешательство военных в деятельность правоохранительных и административных органов при отсутствии чётких правовых регламентов приводило к конфликтам полномочий, подрыву авторитета гражданской власти и дестабилизации системы местного управления.

Проблема разграничения полномочий и взаимоотношений гражданских и военных властей в условиях Гражданской войны так и не получила окончательного решения. На практике в случае конфликта интересов между полицией и военными структурами преимущество почти всегда оставалось за последними. Нормативные акты, принятые в этот период, также закрепляли приоритетное положение военного командования, подчёркивая его особый статус.

В условиях военного времени значительно возросло влияние военных судебных учреждений. По инициативе военных властей их юрисдикция была существенно расширена, вследствие чего военные суды во многих случаях фактически заменяли гражданские судебные органы. Так, в сентябре 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства принял постановление о восстановлении смертной казни как исключительной меры наказания за совершение ряда особо тяжких преступлений. В документе подчёркивалось, что данная мера обусловлена «чрезвычайно тяжёлыми условиями борьбы за восстановление российской государственности». Ссылаясь на необходимость защиты вооружённых сил и населения от угроз со стороны «антигосударственных элементов» и осознавая ответственность перед будущим страны,

Совет постановил ввести смертную казнь. Данная мера применялась за следующие преступления: государственная измена, военная измена, переход на сторону противника, бегство с поля боя, самовольное оставление боевых позиций, уклонение от участия в боевых действиях, подстрекательство к сдаче в плен или бегству, сдача без сопротивления, самовольное оставление караула, невыполнение боевого приказа, нападение на караул, преднамеренное убийство и разбой.

Для обеспечения устойчивости государственного порядка и поддержания общественного спокойствия указом Временного Сибирского правительства от 13 июля 1918 г. министру внутренних дел, командующему армией или командиру отдельного корпуса предоставлялось право изымать из обычной судебной юрисдикции и передавать в военные суды дела о совершении следующих преступлений: вооружённое восстание или призывы к нему против Временного Сибирского правительства; государственная измена; умышленные поджоги; приведение в негодность оружия, военного имущества, продовольствия и фуража; саботаж военных средств и ресурсов; умышленное повреждение систем водоснабжения (водохранилищ, гидротехнических сооружений и других объектов общественной инфраструктуры); нарушение работы коммуникационных сетей; повреждение телеграфных и телефонных линий; разрушение транспортных путей; уничтожение дорог и железнодорожной инфраструктуры; вооружённые нападения на места заключения или на представителей гражданской и военной власти; а также такие преступления, как изнасилование, разбой и умышленное повреждение чужого имущества.

Лица, признанные виновными в указанных преступлениях, подвергались наказанию в виде бессрочных каторжных работ либо каторги сроком до двадцати лет. Все подобные дела подлежали рассмотрению фронтовыми военно-полевыми судами. Смертные приговоры, вынесенные военными судами, направлялись на утверждение командующему армией или командиру корпуса. При этом командующие армиями и корпусами имели право требовать от прокуратуры предоставления для рассмотрения материалов по каждому делу, которое ещё не было передано в судебные учреждения. Данное постановление было подписано председателем Административного совета, министром финансов Михайловым и управляющим Военным министерством генерал-майором П.П. Ивановым-Риновым, после чего текст постановления был телеграфирован во все регионы Временного Сибирского правительства, включая Семипалатинскую область [32].

Указ вступил в силу осенью 1918 г. и активно использовался как инструмент поддержания «порядка». Так, в августе 1919 г. Зайсанский военно-полевой суд вынес смертные приговоры группе тюремных надзирателей, солдат гарнизона и крестьян из Благодарненска за содействие побегу большевистских заключённых и подготовку вооружённого восстания против белогвардейской власти [33].

Даже небольшие воинские отряды самостоятельно создавали специальные органы контрразведки, что противоречило установленным нормам, согласно которым контрразведка должна была функционировать исключительно при штабах корпусов, тогда как в отрядах предусматривались лишь разведывательные подразделения. Эти несанкционированные контрразведывательные структуры занимались преимущественно полицейской и политической деятельностью, направленной на выявление, наблюдение и задержание лиц, подозреваемых в связях с большевиками. Деятельность подобных органов характеризовалась отсутствием чётко установленных нормативных правил.

Как правило, контрразведывательные органы должны были действовать в тесном взаимодействии с прокуратурой и во всех случаях информировать её о своей деятельности. Однако на практике подобная связь часто отсутствовала, а само понятие «большевик» оставалось настолько неопределённым, что практически любой человек мог быть отнесён к этой категории. В докладах областного губернатора И.А. Самойлова отмечалось, что борьба с так называемым «преступным элементом» – термином, которым

обозначали крестьян, выражавших недовольство колчаковской администрацией, – осуществлялась при участии контрразведки, полиции и, реже, воинских подразделений, при этом активно выявлялись и задерживались агитаторы [34].

В декабре 1918 г. белогвардейские власти получили сведения о подготовке большевиками вооружённого восстания в городе Семипалатинске. Документы контрразведки свидетельствуют, что эта информация побудила военное командование немедленно принять меры по предотвращению возможного выступления. В результате контрразведывательные органы усилили репрессивные меры в отношении городского населения. Власти организовали массовые ночные проверки, повсеместные обыски и аресты в рабочих кварталах города. В период с 28 декабря 1918 г. по 6 февраля 1919 г. было задержано 71 человек [35].

Наряду с контрразведывательными структурами в регионах действовали информационные органы, оформившиеся к середине 1919 г. на фоне нарастающего кризиса колчаковского режима. Основной задачей этих органов являлось информационное обеспечение и повышение морального духа белогвардейских войск и населения оккупированных территорий, а также организация пропаганды и агитации, направленной на подрыв боеспособности Красной армии и советского тыла. Во второй половине 1919 г. информационные структуры действовали во всех воинских формированиях и административных округах.

Военные власти активно проводили мобилизацию населения в белую армию. Первый призыв был объявлен Семипалатинским военным штабом уже через несколько дней после захвата власти – 16 июня 1918 г. Однако решительный отказ местного населения вступать в армию привёл к провалу попыток белогвардейцев сформировать вооружённые силы на добровольной основе. В воспоминаниях жителя одного из сёл П. Агафонова содержится описание организации мобилизации: «Первый отряд белогвардейцев под командованием Рукавишникова прибыл в наше село, и население активно сопротивлялось мобилизации: молодых людей, скрывавшихся от призыва, разыскивали, собирали у волостной управы и подвергали телесным наказаниям. Около 40-50 человек, признанных «подозрительными», были арестованы и заключены под стражу» [36].

В соответствии с постановлением Временного Сибирского правительства 31 июля 1918 г. военный штаб города Семипалатинска приступил к принудительной мобилизации трудоспособного населения. При этом под призыв подпадали лица 1898-1899 годов рождения, для которых официальный призывной возраст должен был наступить лишь в 1919-1920 гг. [37].

Согласно указу Временного Сибирского правительства, мобилизации подлежали лица 1898 и 1899 годов рождения, включая переселенцев, прибывших в Сибирь до 1 января 1915 г. Были отменены льготы, связанные с семейным положением, а также отсрочки по образовательным и профессиональным причинам. Призывники должны были являться на сборные пункты воинских частей по месту проживания. Освобождение от службы допускалось только при наличии медицинского заключения комиссии при корпусных военных начальниках.

На территории Восточного Казахстана происходили масштабные протестные выступления. Так, 24 августа 1918 г. жители Ново-Николаевки, Семёновки, Большой Владимировки, Александровской волости и Малой Владимировки Семипалатинского уезда – всего 208 человек под руководством С.Н. Плохотникова – после ознакомления с распоряжениями Семипалатинской уездной комиссии по воинской повинности приняли решение с учётом тяжёлого экономического положения крестьянства, усугублённое четырёхлетним военным конфликтом. В документе отмечалось, что многие семьи потеряли кормильцев, погибших на фронте или находившихся в плену, а матери,

лишённые трудовой помощи в период наиболее напряжённых сельскохозяйственных работ, вынуждены были содержать нескольких малолетних детей. Государственные пособия выплачивались в минимальном размере и задерживались более чем на шесть месяцев. В связи с этим участники собрания уведомили Семипалатинскую комиссию об отказе направлять молодёжь на мобилизацию, подчёркивая нежелание участвовать в гражданском конфликте и отмечая, что аналогичный ответ был дан и на призывы большевиков.

В декабре 1918 г. русское крестьянское население Каркаралинского уезда Семипалатинской области отказалось подчиняться призыву в Белую армию. Представитель колчаковской администрации интерпретировал этот факт как проявление большевистских настроений среди местного населения. Подобные случаи фиксировались и в различных уездах Акмолинской и Семипалатинской областей. Отказ от мобилизации стал одним из факторов формирования партизанского движения в регионе, достигшего наибольшего размаха весной 1919 г. Руководитель Семипалатинской областной администрации отмечал, что русское и казахское крестьянство Зайсанского уезда открыто выражало поддержку большевикам, критиковало колчаковский режим и угрожало насильственными действиями в случае нового призыва, ожидая прибытия большевистских войск [34.– 611].

Постоянное привлечение населения к подводной повинности, мобилизационным мероприятиям, введение налогов и различных сборов, а также взыскание долгов за предыдущие годы в сочетании с жёсткими действиями военных, силовых структур и нерегулярных отрядов приводили к росту социальной напряжённости и становились предпосылками возникновения вооружённого сопротивления.

Заключение

В период 1918-1920 годов Восточный Казахстан оказался в центре масштабных военных конфликтов. Регион характеризовался строгим подавлением любых действий, которые ставили под сомнение власть правительства Белой гвардии, что существенно сказывалось на жизни гражданского населения. Воинские части Белой армии играли ключевую роль в осуществлении мер, направленных на поддержание контроля над территорией, включая организацию отрядов для принудительного сбора налогов, повозок и других материальных ресурсов. Кроме того, военные самостоятельно реквизируют у местного населения повозки, палатки, юрты и продовольствие в интересах 2-го Сибирского Степного корпуса. Несоблюдение приказов командира корпуса могло повлечь за собой применение различных санкций – от штрафов и арестов до более суровых наказаний. В условиях острого дефицита снабжения рядовые солдаты иногда прибегали к самовольному изъятию имущества у граждан, что ещё больше усугубляло трудное положение местного населения.

Параллельно действовала разветвлённая система контрразведки и информационных служб, занимавшихся выявлением и преследованием лиц, подозреваемых в симпатиях к большевикам. Подобные граждане подвергались арестам и дисциплинарным мерам, что способствовало формированию напряжённой и тревожной атмосферы. Принудительная мобилизация лиц, укрывавших дезертиров, а также меры воздействия на инакомыслящих усиливали общественное недовольство и способствовали росту партизанского движения, которое, в свою очередь, подвергалось действиям карательных отрядов.

Таким образом, политика Белой армии в Восточном Казахстане приводила к значительному ограничению прав и свобод гражданского населения и являлась одним из факторов, усугублявших социально-политическую нестабильность региона в условиях Гражданской войны. Этот период наглядно демонстрирует, как масштабные вооружённые

конфликты влияют на повседневную жизнь граждан, приводя к серьёзным испытаниям и глубоким социальным преобразованиям.

Информация о финансировании

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН AP26102721).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. - М.: Госполитиздат. —1957. – 296 с.
- 2 Митрофанов А. Ю. А.В. Колчак (1874–1920) у истоков Белой борьбы: от флотоводца к Верховному Правителю. // Русско-Византийский Вестник. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. —2025. — №1(20). — С.183-189.
- 3 Стелмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.). - Омск: Амфора. — 2023. — 420 с.
- 4 Дроков С.В. А.В. Колчак //Вопросы истории. — 1991. — №1. С.60-67.
- 5 Из истории интервенции и гражданской войны гражданской войны в Казахстане. Т.13. - Алма-Ата: Наука. — 1962. — 124 с.
- 6 Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.р —1072. Оп.1. Д.12. Л.36.
- 7 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.48. Оп.2. Д.40. Л.15.
- 8 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.48. Оп. 2. Д.40. Л.18.
- 9 Дневник белогвардейца //Сборник воспоминаний. — Новосибирск: Нов.кн.из. — 1991. —400 с.
- 10 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.48. Оп.2. Д.40. Л.30.
- 11 Правительственный вестник. — 12 октября 1918.
- 12 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.48. Оп.1. Д.177. Л.64.
- 13 Голос Сибири. — 19 января 1919.
- 14 Гинс Г.К. Сибир, союзники и Колчак. - М.: Воениздат. — 1997. — 256 с.
- 15 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.р-950. Оп.2. Д.5. Л.14.
- 16 Свирин В. Слава и позор адмирала //Труд. — 7 июня 1990.
- 17 Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.р-1072. Оп.1. Д.1. Л.5.
- 18 Гревз У. Американская авантюра в Сибири 1918-1920 гг. — М.: Наука. — 2001. —247 с.
- 19 Лившиц С.Г. Колчаковский переворот //Алтайская правда. — 17 ноября 1988.
- 20 Варламова Л.Н. Организационные основы аппарата военного управления правительства А.В. Колчака (1918–1920) //Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. — Москва. — 2023. —С. 40—59.
- 21 Хандорин В. Адмирал Колчак. Драма Верховного правителя. - Москва: АФК Система. - 2022. - 526 с.
- 22 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.37. Оп.1. Д.69. Л.86.
- 23 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.37. Оп.1. Д.69. Л.2.
- 24 Орос Н.И. Социальная политика белых правительств в Сибири (1918-1919 гг.). Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX-XXI вв. //Материалы ВИИИ Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80-летию освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков и 70-летию Липецкой области. — Липецк. — 2025. —158 с.
- 25 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф. р—50. Оп.1. Д.37. Л.15.
- 26 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.р—50. Оп.1. Д.9. Л.33.
- 27 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.48. Оп.1. Д.196. Л.248.
- 28 Колчаковщина. Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. — Вече. — 2023. —304 с.
- 29 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.37. Оп.1. Д.34. ЛЛ.82-84.
- 30 Никитин А.Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. — М.: Воениздат. — 1995. — 245 с.
- 31 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.48. Оп.1. Д.23. Л.14.
- 32 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.р—50. Оп.1. Д.9. Л.3.
- 33 Государственный архив области Абай (ГАОА). Ф.р—50. Оп.1. Д.9. Л.94.
- 34 Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии //Сборник документов и материалов в 2-х томах. Т.1. —Алма-Ата: Наука. —1964. — 725 с.
- 35 Пахмурны П.М. Коммунистическая партия – организатор партизанского движения в Казахстане (1918-1920). —Алма-Ата: Наука. —1965. — 438 с.
- 36 Из истории гражданской войны в СССР //Сборник документов в трех томах. Т.2. —М.: Наука. — 1974. — 695 с.

37 За власть Советов //Сборник статей и воспоминаний о борьбе за установление и упрочение Советской власти в Семипалат. обл.: Посвящ. 40-й годовщине Казах. ССР /Архивный отд. и Гос. архив Семипалат. обл. Парт. архив Семипалат. обкома КП Казахстана; Редколлегия: В.И. Акимов (глав. ред.) и др. — Семипалатинск. — 1961. — 250 с.

АЗАМАТ СОҒЫСЫ КЕЗЕҢІНДЕГІ БЕЙБІТ ТҰРҒЫНДАР МЕН ӘСКЕРИ КҮШТЕР АРАСЫНДАҒЫ ӨЗАРА ҚАТЫНАСТАР: ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫ МЫСАЛЫНДА

Аңдатпа

Мақалада Азамат соғысы кезеңіндегі Шығыс Қазақстандағы азаматтық тұрғындар мен әскери құрылымдар арасындағы өзара қатынастар қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – Азамат соғысы кезеңіндегі әскери билік органдарының Шығыс Қазақстанның азаматтық халқына қатысты жүргізген саясатының ерекшеліктерін зерделеу, оны жүзеге асырудың нысандары мен әдістерін талдау, сондай-ақ әскери құрылымдардың бейбіт халықтың өміріне ықпалының сипаты мен деңгейін зерттеу. Зерттеуде саяси режимді қолдау мен қоғамды бақылауда маңызды құрал болған қарсыбарлау және құқық қорғау органдарының қызметіне ерекше назар аударылады. Өңірлік үдерістер бұрынғы Ресей империясының кеңістігін қамтыған ауқымды саяси қақтығыс контекстінде талданады. Зерттеу әскери құрылымдар мен қауіпсіздік органдарының тек әскери іс-қимылдарда ғана емес, сонымен қатар бейбіт тұрғындардың күнделікті өмірінде де елеулі рөл атқарғанын көрсетеді. Архивтік құжаттар мен кезең материалдары негізінде өңірлік деңгейдегі қарсыбарлау және құқық қорғау органдарының қызмет ету тетіктері қайта қалпына келтіріледі. Олардың қызметі оппозициялық көңіл-күйлерді басуға, қоғамдық жағдайды бақылауға және ықтимал қауіптердің алдын алуға бағытталды. Сонымен қатар олардың қатысуы әлеуметтік ортаға елеулі ықпал етіп, көші-қон үдерістерін, экономикалық тәжірибелерді және қоғамдық қатынастарды өзгертті. Мақалада азаматтық халықтың тек ықпал ету нысаны ғана емес, сонымен бірге саяси тұрақсыздық пен қарулы қақтығыс жағдайында өмір сүру мен бейімделудің түрлі стратегияларын қалыптастырған тарихи үдерістердің белсенді қатысушысы болғаны көрсетіледі.

Негізгі сөздер: Қазақстан, Азамат соғысы, саяси қақтығыс, бейбіт тұрғындар, ақгвардиялық билік, әлеуметтік-экономикалық салдар.

RELATIONS BETWEEN CIVILIAN POPULATION AND MILITARY FORCES DURING THE CIVIL WAR: THE CASE OF EAST KAZAKHSTAN REGION

Abstract

This article examines the relationships between the civilian population and military structures in Eastern Kazakhstan during the Civil War. The study aims to examine the specific features of the policies pursued by military authorities toward the civilian population of Eastern Kazakhstan during the Civil War, to analyze the forms and methods of their implementation, and to investigate the nature and extent of the impact of military structures on the lives of the civilian population. Particular attention is paid to the activities of counterintelligence and law enforcement agencies, which served as important instruments for maintaining the political regime and controlling society. Regional processes are analyzed within the broader context of the large-scale political confrontation that covered the territory of the former Russian Empire. The study demonstrates that military structures and security bodies played a significant role not only in military operations but also in the everyday life of the civilian population. Based on archival documents and contemporary materials, the research reconstructs the mechanisms of functioning of counterintelligence and law enforcement institutions at the regional level. Their activities were aimed at suppressing opposition sentiments, monitoring the social situation, and preventing potential threats. At the same time, their presence significantly influenced the social environment, transforming migration processes, economic practices, and social relations. The article also emphasizes that the civilian population acted not only as an object of influence but also as an active participant in historical processes, developing various strategies of survival and adaptation in conditions of political instability and armed conflict.

Key words: Kazakhstan, Civil War, political conflict, civilian population, White authorities, socio-economic consequences.

REFERENCES

- 1 Spirin L.M. Razgrom armii Kolchaka [*Defeat of Kolchak's army*]. M.: Gospolit-izdat. 1957. 296 p. [in Russian]

- 2 Mitrofanov A. YU. A.V. Kolchak (1874–1920) u istokov Beloj borby: ot flotovodca k Verhovnomu Pravatelyu [A.V. Kolchak (1874–1920) at the Origins of the White Struggle: From Naval Commander to Supreme Ruler]. // Russko-Vizantijskij Vestnik. //Nauchnyj zhurnal Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2025. №1(20). P.183-189. [in Russian]
- 3 Stelmak M.M. Obraz inostrannyh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoj pechati Zapadnoj Sibiri (maj 1918 December 1919 gg.). [The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 December 1919)]. Omsk: Amfora. 2023. 420 p. [in Russian]
- 4 Drovkov S.V. A.V. Kolchak [A.V. Kolchak] //Voprosy istorii. 1991. №1. P.60-67. [in Russian]
- 5 Iz istorii intervencii i grazhdanskoj vojny grazhdanskoj vojny v Kazahstane [From the history of the intervention and the civil war in Kazakhstan]. T.13. Alma-Ata: Nauka. 1962. 124 p. [in Russian]
- 6 Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IAOO). F.r -1072. Op.1. D.12. L.36. [in Russian]
- 7 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.48. Op.2. D.40. L.15. [in Russian]
- 8 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.48. Op. 2. D.40. L.18. [in Russian]
- 9 Dnevnik belogvardejca [Diary of a White Guardsman] //Sbornik vospominanij. —Novosibirsk: Nov.kn.iz. 1991. 400 p. [in Russian]
- 10 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.48. Op.2. D.40. L.30. [in Russian]
- 11 Pravitel'stvennyj vestnik [Government Bulletin]. 12 oktyabrya 1918. [in Russian]
- 12 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.48. Op.1. D.177. L.64. [in Russian]
- 13 Golos Sibiri [The Voice of Siberia]. 19 yanvarya 1919. [in Russian]
- 14 Gins G.K. Sibir, soyuzniki i Kolchak [Sibir, allies and Kolchak]. M.: Voenizdat. 1997. 256 p. [in Russian]
- 15 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.r-950. Op.2. D.5. L.14. [in Russian]
- 16 Svirin V. Slava i pozor admirala [The glory and shame of the Admiral] //Trud. 7 iyunya 1990. [in Russian]
- 17 Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IAOO). F.r-1072. Op.1. D.1. L.5. [in Russian]
- 18 Grevz U. Amerikanskaya avantura v Sibiri 1918-1920 gg. [The American Adventure in Siberia, 1918-1920] M.: Nauka. 2001. 247 p. [in Russian]
- 19 Livshic S.G. Kolchakovskij perevorot [The Kolchak Coup] //Altaiskaya pravda. 17 noyabrya 1988. [in Russian]
- 20 Varlamova L.N. Organizacionnye osnovy apparata voennogo upravleniya pravitel'stva A.V. Kolchaka (1918–1920) [The Organizational Framework of the Military Administration of the Government of A.V. Kolchak (1918–1920)] //Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.P. Eroshkina. Moskva. 2023. P. 40—59. [in Russian]
- 21 Handorin V. Admiral Kolchak. Drama Verhovnogo pravatelya [Admiral Kolchak. The Drama of the Supreme Ruler]. - Moskva: AFK Sistema. 2022. 526 p. [in Russian]
- 22 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.37. Op.1. D.69. L.86. [in Russian]
- 23 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.37. Op.1. D.69. L.2. [in Russian]
- 24 Oros N.I. Socialnaya politika belyh pravitel'stv v Sibiri (1918-1919 gg.). Rossijskaya gosudarstvennost' v lichah i sud'bah ee sozidatelej: IX-XXI vv. [Social Policy of the White Governments in Siberia (1918-1919). Russian Statehood in the Faces and Destinies of Its Creators: 9th-21st Centuries] //Materialy VIII Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 80-letiyu osvobodzheniya strany ot nemecko-fashistskih zahvatnikov i 70-letiyu Lipeckoj oblasti. Lipeck. 2025. 158 p. [in Russian]
- 25 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F. r-50. Op.1. D.37. L.15. [in Russian]
- 26 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.r-50. Op.1. D.9. L.33. [in Russian]
- 27 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.48. Op.1. D.196. L.248. [in Russian]
- 28 Kolchakovshchina. Revolyuciya i Grazhdanskaya vojna v opisaniyah belogvardejcev [The Revolution and the Civil War in the Descriptions of the White Guards]. Veche. 2023. 304 s. [in Russian]
- 29 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.37. Op.1. D.34. LL.82-84. [in Russian]
- 30 Nikitin A.N. Miliciya Rossijskogo pravitel'stva Kolchaka i ee rol' v borbe s obshcheugolovnoj i organizovannoj prestupnost'yu [The Russian government's Kolchak's militia and its role in combating general and organized crime]. - M.: Voenizdat. 1995. 245 p. [in Russian]
- 31 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.48. Op.1. D.23. L.14. [in Russian]
- 32 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.r-50. Op.1. D.9. L.3. [in Russian]
- 33 Gosudarstvennyj arhiv oblasti Abaj (GAOA). F.r-50. Op.1. D.9. L.94. [in Russian]
- 34 Inostrannaya voennaya intervenciya i grazhdanskaya vojna v Sredney Azii [Foreign military intervention and civil war in Central Asia] //Sbornik dokumentov i materialov v 2h tomah. T.1. Alma-Ata: Nauka. 1964. 725 p. [in Russian]
- 35 Pahmurny P.M. Kommunisticheskaya partiya – organizator partizanskogo dvizheniya v Kazahstane (1918-1920). [The Communist Party was the organizer of the partisan movement in Kazakhstan (1918-1920)]. Alma-Ata: Nauka. 1965. 438 p. [in Russian]

36 Iz istorii grazhdanskoy vojny v SSSR [From the history of the Civil War in the USSR] //Sbornik dokumentov v trekh tomah. T.2. M.: Nauka. 1974. 695 p. [in Russian]

37 Za vlast' Sovetov [For the power of the Soviets] //Sbornik statej i vospominanij o bor'be za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Semipalat. obl.: Posvyashch. 40-j godovshchine Kazah. SSR /Arhivnyj otd. i Gos. arhiv Semipalat. obl. Part. arhiv Semipalat. obkoma KP Kazahstana; Redkollegiya: V.I. Akimov (glav. red.) i dr. Semipalatinsk. 1961. 250 p. [in Russian]

Information about authors:

Khalil Maslov – PhD, Leading Researcher, Alash Research Institute, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan; Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, Atyrau, Republic of Kazakhstan

E-mail: khalil.maslov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2027-0078>

Gaukhar Abdрахmanova – **corresponding author**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Associate Professor of Political Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan.

E-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>

Tengesh Kalenova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Associate Professor of Political Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan.

E-mail: kalenovats@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4767-5537>

Информация об авторах:

Халил Маслов – PhD, ведущий научный сотрудник НИИ «Алаш», Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан; Атырауский университет имени Х.Досмұхамедова, г. Атырау, Республика Казахстан

E-mail: khalil.maslov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2027-0078>

Гаухар Абдрахманова – **основной автор**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

E-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>

Каленова Тенгеш Серикбаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

E-mail: kalenovats@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4767-5537>

Авторлар туралы ақпарат:

Халил Маслов – PhD, «Алаш» ғылыми-зерттеу институтының жетекші ғылыми қызметкері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы; Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті, Атырау қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: khalil.maslov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2027-0078>

Гаухар Абдрахманова – **негізгі автор**, тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің саясаттану кафедрасының доценті, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>

Каленова Тенгеш Серикбаевна – тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің саясаттану кафедрасының доценті, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: kalenovats@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4767-5537>